

Создание галереи самобытных мужских и женских образов русских крестьян, искусное введение различных оттенков смешного, оправданное использование народно-разговорных языковых пластов — все эти худож. достоинства романа «Липяги», несмотря на его однозначную идеологическую окраску, позволяют причислить произведение к лучшим образцам советской деревенской прозы. В 1967 за роман «Липяги» К. удостоен Гос. премии РСФСР им. М. Горького.

Однако, по признанию самого К., он не считал себя деревенским писателем: «...я не мог полностью замкнуться в одной, пусть и великой теме» (Осетров Е. Проза Сергея Крутилина. М., 1974. С. 8). Подтверждением этих слов оказывается появление в конце 1950-х и в 1970-х военных и так называемых бытовых повестей К. Осмыслению и исследованию подвига народного в Великой Отечественной войне посвящены повести «Лейтенант Артюхов» (Москва. 1968. № 10), «Кресты» (Москва. 1975. № 7–8) и «Окружение» (Наш современник. 1976. № 12), которые, будучи связанными сюжетно, чуть позже объединяются К. в роман-трилогию «Апраксин бор» (1978). В произведениях худож. преломляется собственный военный опыт автора. В первой из этих повестей К. выбирает неожиданный и новый для фронтовой повести ракурс: герой лишь едет на войну, постигая ее в полной грозных предзнаменований дороге. «Крутилину важно проследить, как, еще не вступая в бой, Артюхов и его товарищи из вчерашних наивных мальчишек становятся солдатами» (Сурганов Вс.— С. 211). В двух следующих частях трилогии война предстает во всем своем кровавом обличье — на различных уровнях структуры своих военных повестей К. утверждает принцип «война — труд», а в разработке идеи о том, что настоящий героизм чуждается всего показного, К., несомненно, следует за Л. Толстым.

В ряде повестей, вошедших в сб. «Мастерская» (1981), К., изображая героя в пространстве совр. города, продолжает худож. анализ отношения конкретных людей к таким общечеловеческим ценностям, как природа, труд, долг, любовь. Вносит писатель свою лепту и в размышления о месте художника в новом обществе, о психологии творчества, о том, что достойно и что недостойно искусства (повесть «Мастерская в глухом переулке»).

Тем не менее на протяжении всего своего творческого пути К. не оставляет деревенскую тему, над ней работает он и в последние годы жизни. Так, в романе «Грехи наши

тяжкие» (1982) К. на качественно новом уровне возвращается к проблемам своего первого худож. опыта, пытается вскрыть причины нарушенного равновесия между городом и деревней. Будущее русской деревни, согласно К., возможно только при улучшении условий жизни сельских тружеников, а в воплощении такой задачи важны психологические особенности личности руководителя — его способность понять нужды подчиненных. Подробному рассмотрению этих вопросов и посвящен роман «Грехи наши тяжкие», пронизанный заботой о завтрашнем дне села.

Произведения К. переведены на яз. республик бывшего СССР, а также на испанский, польский и др. иностр. яз.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1984; Город на Вятке-реке. М., 1959; За поворотом. М., 1961; Подснежники. М., 1961; Липяги. Из записок сельского учителя. Кн. 1–2. М., 1964 (Роман-газ.); Кн. 3. М., 1966; Апраксин бор: роман: в 3 кн. М., 1978; Мастерская: повести. М., 1981; Грехи наши тяжкие: роман. М., 1982.

Лит.: Кедрина З. Первая повесть // Лит. газ. 1953. 3 дек. С. 3; Осетров Е. Страницы народной жизни // Липяги. Из записок сельского учителя. М., 1967. С. 663–676; Марченко В. ...Плюс вся жизнь // Наш современник. 1971. № 5. С. 124–126; Сурганов Вс. Устремленность таланта. Сергей Крутилин, лит. портрет // Москва. 1971. № 10. С. 207–212; Осетров Е. Проза Сергея Крутилина // Ракиты. М., 1974; Козлов И. Далекое близкое // Лит. Россия. 1979. 12 мая. С. 15; Осетров Е. Проза Сергея Крутилина // Мастерская. М., 1981; Ломунова М. Земля и люди // Лит. Россия. 1982. 1 окт. С. 14.

В. В. Иванцов

КРУЧЁНЫХ Алексей Елисеевич (псевдоним Александр Кручёных) [9(21).2.1886, пос. Оливское (по др. данным — дер. Олевка) Вавиловской волости Херсонской губ.— 17.6.1968, Москва] — поэт, критик, теоретик футуризма, издатель.

Родился в крестьянской семье, отец — выходец из Сибири, мать — полька. С 1894 жил в Херсоне, окончил Одесское худож. училище (1906) с дипломом учителя графического искусства. В Одессе К. познакомился с Д. Д. Бурлюком, а осенью 1907 переехал в Москву и вскоре начал печататься в одесских газ. (статьи о кубизме в живописи). Первая из ныне известных публикаций худож. произведений — рассказ «Кровавые люди», в котором К. цитирует собственные стихи (газ. «Родной край». Херсон. 1909. 13–24 нояб.; подпись А. Горелин). В февр. 1912 Бурлюк познакомил К. с В. В. Маяков-

ским; немногим позже он близко сошелся с В. Хлебниковым, несомненно оказавшим большое влияние на раннее творчество К. Примкнув к кубофутуристам и целиком отдавшись лит. работе, весной 1912 К. совместно с Хлебниковым написал поэму **«Игра в аду»** (упомянутую Маяковским в стих. «Лилличка!»: «Комната — / глава в кручёныховском аде» // ПСС. М., 1955. Т. 1. С. 107). В этом же году вышел полупародийный сб. стих. **«Старинная любовь»**. В 1913–14 К. участвовал в футуристических акциях в Москве и Петербурге. В 1913 выступил одним из авторов программной декларации футуристов «Пощечина общественному вкусу», печатался в футуристических сб. «Дохлая луна», «Молоко кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Стрелец, I». В 1913 вышли его книги **«Взорваль»**, **«Поросята»** (написанная «вместе с Зиной В., 11 лет»), **«Возропщем»**, **«Две поэмы. Пустынники. Пустынница»**, **«Полуживой»**, общие с Хлебниковым сб. **«Мирсконца»**, **«Бух лесинный»**, программная декларация **«Слово как таковое»**. В янв. этого же года на сцене театра «Луна-парк» в Петербурге была поставлена (вместе с трагедией Маяковского «Владимир Маяковский») пьеса-опера К. **«Победа над солнцем»** (пролог Хлебникова, музыка М. В. Матюшина, декорации и эскизы костюмов К. С. Малевича). В сб. **«Помада»** (1913) К. впервые включил 3 стих., написанные по предложению Бурлюка, «на собственном языке». Начальная строка пятистишия «Дыр, бул, щыл» стала хрестоматийным примером бессмысленной поэзии. В 1914 К. жил в Петербурге, где вышли его новые книги: **«Тэ ли лэ»** (совместно с Хлебниковым), **«Собственные рассказы и рисунки детей. Собрал А. Крученых»**, а также «выпыт» **«Стихи В. Маяковского»** — первое отдельное исследование о творчестве поэта. В конце 1914 К. уехал на Кавказ, чтобы избежать мобилизации; летом приезжал в Москву и Петроград, готовил к изд. книги **«Заумная книга»**, **«Война»** (обе — 1916) и др. В марте 1916 был призван на военную службу чертежником на строительство военной Эрзерумской железной дороги. По пути провел около месяца в Тифлисе, где стал признанным вождем футуризма, пропагандируя его вместе с В. В. Каменским и И. М. Зданевичем. В 1916–20 издал свыше 70 брошюр. В 1917–18 являлся организатором и участником футуристических групп. В 1919 работал на строительстве Черноморской железной дороги, в 1920 — на железной дороге в Баку. Заведовал отделом Бакинского РОСТА. С осени

А. Е. Кручёных

1921 в Москве, сотрудничал в ж. «ЛЕФ», издал «уголовные романы» в стихах **«Разбойник Ванька-Каин и Сонька-маникюрщица»** (1925) и **«Дунька-Рубиха»** (1926), книгу **«15 лет русского футуризма»** (1928), сб. любовной лирики **«Ирониада»** и **«Рубиниада»** (оба — 1930). В дальнейшем занимался лит.-музейной работой: составлением библиографических справочников «Книги Б. Пастернака за 20 лет» (М., 1933); «Книги Н. Асеева за 20 лет» (М., 1934), изданием лит. наследия — «Неизданный Хлебников» (М., 1928–33), «Турнир поэтов» (М., 1928–34). После 1934 нигде не печатался.

К. был дерзким поэтическим новатором, оригинальным критиком, одним из зачинателей русского и мирового лит. авангарда. Поэтическое искусство он рассматривал как высвобождение скрытых возможностей «самоценного» слова (его фонетической стороны, этимологии и морфологической структуры). Собственное лит. творчество было для К. своеобразной иллюстрацией к теоретической программе, изложенной им во множестве статей и деклараций, наиболее подробно — в сб. «Слово как таковое» и в статье **«Новые пути слова»** (коллективный сб. «Трое», СПб., [1913]). Теория футуризма разрабатывалась К. в книгах: **«Чорт и речетворцы»** (1913), **«Тайные пороки академиков»** (1916), **«Сдвигология русского стиха»** (1922), **«Фактура слова»**, **«Апокалипсис в русской литературе»** (обе — 1923) и др. К. пытался изобрести новый поэтический яз.— заумь (**«Декларация заумного языка»**, 1921),

он называл себя родоначальником новой лит. школы в России — заумников. Происхождение заумного яз. К. возводил к народным заговорам и заклинаниям, молитвам сектантов (ср. у Маяковского: «оружие, как хлысты на раде-нии / Дыр, бул, щыл» // ПСС. М., 1955. Т. 1. С. 314), праязыку, детской речи (см. сб. «Поросята»). В произведениях К., написанных заумным яз., внимание поглощается звукообразом, звукописью; для них характерны смешение поэтической и прозаической речи, отсутствие знаков препинания, применение шрифтов различной величины и т. п. В сб. «Ирониада» он пытался ввести в поэзию джазовые ритмы. К. придавал большое значение интонированию, виртуозно читал собственные стихи.

Уже в 1910-е К. воспринимали как заумника, «футуристического иезуита слова» (Маяковский), «буку русской поэзии». Сложность отношения к К. отражают высказывания о его творчестве поэтов-современников. Маяковский писал о стихах К.: «...аллитерация, диссонанс, целевая установка — помощь грядущим поэтам» (ПСС. М., 1959. Т. 12. С. 88). О. Э. Мандельштам призывал «откинуть совершенно несостоятельного и невразумительного Крученых, и вовсе не потому, что он левый и крайний, а потому, что есть же на свете просто ерунда», хотя и отмечал, что, «несмотря на это, у Крученых безусловно патетическое и напряженное отношение к поэзии, что делает его интересным как личность» (Россия. 1922. № 3. С. 27).

Подавляющее большинство своих сб. К. издавал на собственные средства литографическим способом, при поддержке художников Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, Малевича, П. Н. Филонова, В. Е. Татлина и др. К. «рисовал» тексты своих книг, поскольку придавал «значение словам по их начертательной и звуковой характеристике» (**Садок судей!** СПб., 1913). Сейчас все малотиражные брошюры К.— библиографическая редкость.

Соч.: Четыре фонетических романа / предисл. Б. Несмелова. М., 1990. (Репринтное изд. 1927); Кукиш прошлякам: Фактура слова. Сдвигология русского языка. Апокалипсис в русской литературе / вступ. статья Г. Н. Айги. М.; Таллинн, 1992. (Репринтное изд. 1922, 1923); Наш выход: К истории русского футуризма. М., 1996; Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001.

Лит.: Чуковский К. Лица и маски. СПб., 1914. С. 93–136; Бука русской лит-ры: Сб. статей. М., 1923; Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989; Алексей Крученых в свидетельствах современников. München, 1994; Красицкий С. Р. О Крученых // Крученых А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб., 2001. С. 5–40.

В. Г. Макашина

КРЫМОВ Владимир Пименович [7(19).7.1878, г. Динабург Витебской губ.— 6.2.1968, Шату, предместье Парижа] — прозаик, журналист.

Родился в семье сибирских купцов-старообрядцев. Учился в реальном училище в Двинске, затем окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию в Москве (1902). Занимался лесным промыслом на Урале. В 1903 совершил путешествие по Австро-Венгрии, Швейцарии и Франции, в 1908 — деловые поездки в Европу и Южную Америку. Окончил Московский ун-т (1908).

В годы учебы К. печатался в московских газ. В 1909 в Харькове вышел первый сб. его рассказов **«Здесь: Психологические этюды»**. Однако вскоре сб. был конфискован, а его автор обвинен в «кошунстве и порнографии».

В 1910 К. переехал из Харькова в Петербург, где работал как журналист, печатал очерки, в которых описывал свои заграничные путешествия. Одновременно К. издавал «великосветский» иллюстр. ж. «Столица и усадьба» (1913–17). Сочинения, написанные в первый, «доэмигрантский», период творчества, К. публиковал преимущественно на собственные средства: **«О рулетке Монте-Карло, Южной Америке, гастрономии, модах и прочем»** (1912), **«В стране любви и землетрясений: Странные рассказы и прочее»** (1914), **«То, чего еще не было»** (1914). Основу произведений К. в это время составляют впечатления,

В. П. Крымов